

Тадеуш Т. Кручковский

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Взгляды Н. И. Кареева на проблематику разделов Речи Посполитой в оценке польской историографии

Zarys treści: W artykule omówione zostały zasadnicze zagadnienia z zakresu upadku Polski i stosunków polsko-rosyjskich tego okresu w historiozoficznej koncepcji Nikołaja Kariejewa (jednego z głównych rosyjskich historyków nurtu liberalnego z przełomu XIX i XX w.) w ujęciu tego aspektu twórczości rosyjskiego uczonego w polskiej nauce historycznej (przede wszystkim w pracach Tadeusza Korzona, Aleksandra Rembowskiego, Juliusza Bardacha i Mariana Henryka Serejskiego).

The content outline: The article discusses the fundamental problems of the history of Poland's collapse and Polish-Russian relations of that period in the historiosophical concept of Nikolai I. Kareev (one of the main Russian historians of the liberal trend at the turn of the 20th century) in this aspect of the work of a Russian scholar in Polish historical science (primarily in works by Tadeusz Korzon, Aleksander Rembowski, Juliusz Bardach and Marian Henryk Serejski).

Ключевые слова: Н. И. Кареев, российская историческая полонистика, краковская консервативная школа, разделы Речи Посполитой, Ю. Бардах, М. Серейский

Słowa kluczowe: M.I. Kariejew, historiografia rosyjska, krakowska szkoła historyczna, warszawska szkoła historyczna, rozbiory Polski, historiografia polska, J. Bardach, M. Serejski

Keywords: N.I. Kareev, Russian historiography, Cracow historical school, Warsaw historical school, partitions of Poland, Polish historiography, J. Bardach, and M. Serejski

Творчество видного русского либерального историка Н. И. Кареева характеризуется необычной широтой и плодovitостью: он является автором работ по истории древнего мира, Западной Европы, Польши, по историософии и методологии истории. Н. И. Кареев является автором свыше 430 научных и научно-популярных работ. В докторской работе ученый, одним из первых в российской историографии, исследовал важнейшие вопросы философии истории, рассматривая ее как теорию исторического процесса и исторического познания¹. Важнейшие теоретические работы Кареева были

¹ Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. М., 1883.

написаны в 60–90-е годы XIX века². Данная проблематика рассматривалась также ученым в своеобразных «Введениях» в курсы важнейших периодов мировой истории³. Эти «Введения», были прочитаны Кареевым как общие университетские курсы, и изданы отдельными монографиями. В наиболее сжатом виде свою историософскую концепцию всемирной истории ученый изложил в ряде обобщающих работ⁴.

Н. И. Кареев был одним из немногих тогдашних русских историков-позитивистов стремящихся к созданию фундаментальных обобщающих исторических трудов. В конкретно-исторической практике его теоретическая модель позитивистской истории нашла свое преломление в уникальной для российской историографии 7-томной «Истории Западной Европы в новое время», охватывающий период с XVI века до начала XX века⁵. Обратим внимание, что к Западной Европе ученый относил и западнославянские народы, примкнувшие к ней в силу культурных и политических связей.

Видное место в его творческом наследии занимают труды, посвящённые польской проблематике: истории Польши, польской историографии и польскому вопросу в России. Этот интерес к Польше для Н. И. Кареева далеко не случаен, он был вызван и остротой польского вопроса в России, и тем, как складывалась жизнь ученого, ряд лет проработавшего в Российском императорском Варшавском университете (1879–1885 гг.)⁶.

² *Он же.* Указ. соч.; *он же.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890.

³ *Он же.* Введение в курс истории новейшего времени. Варшава, 1881; *он же.* Введение в курс истории древнего мира // Варшавские университетские известия. Варшава, 1882. С. 1–16; *он же.* Введение в курс истории средних веков. Варшава, 1883; *он же.* Введение в курс истории нового времени. Варшава, 1884; *он же.* Введение в курс истории древнего Востока. Варшава, 1884.

⁴ *Он же.* Философия культуры и социальной истории нового времени (1300–1800). Введение в историю XIX века. (Основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV–XVIII веков). СПб., 1893; *он же.* Главные обобщения всемирной истории. СПб., 1903; *он же.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. СПб., 1903.

⁵ *Он же.* История Западной Европы в новое время: в 7 т. СПб.–Пг., 1892–1917.

⁶ *Serejski M.* Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970; *Bardach J.* Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku: N. I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980. S. 104–154; *Дьяков В. А.* Польская тематика в русской историографии конца XIX – нач. XX века (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) // История и историки. Историографический ежегодник 1978. М., 1981. С. 147–161; *Кручковский Т. Т.* Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX в. // Наш радавод. Гродно, 1994. Т. 7. Ч. 2. С. 218–417; *Липтева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; *Аржакова Л. М.* Опыт польско–российского диалога: Николай Кареев и Михал Бобжиньский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 7. СПб., 2008. С. 9–17.

Среди важнейших проблем исторической полонистики Н. И. Кареева следует выделить: проблему цивилизационного выбора Польши; проблему российско-польских отношений; проблему падения Речи Посполитой, которая самым тесным образом у историка увязывалась с двумя названными выше темами⁷. Проблематика цивилизационного выбора Польши рассматривалась Н. И. Кареевым в историософском плане в ряде обобщающих работ⁸, а также в конкретно историческом преломлении в начальных главах первых томов «Истории Западной Европы в новое время»⁹. Н. И. Кареев, рассматривая историю Польши, относил ее к своеобразной части западноевропейской цивилизации, стоящей на стыке Запада и Востока Европы. Тематика российско-польских отношений рассматривалась историком в тесной связи, как с историей Западной Европы, так и польского вопроса в России¹⁰.

Особое значение в исторической полонистике Н. И. Кареева, как впрочем, и в целом в российской историографии XIX – начала XX века занимала проблематика истории Речи Посполитой и ее разделов¹¹. Она рассматривалась историком в ряде его трудов¹², среди которых наиболее оригинальным и самостоятельным было историографическое исследование причин падения Польши¹³. Таким образом, как видим, проблематика разделов Речи Посполитой у историка самым тесным образом увязывалась с предыдущей историей польского государства.

Показательно, что в российской исторической науке XIX – начала XX века, в том числе и Н. И. Кареевым, в отношении Речи Посполитой, и особенно проблемы ее разделов, использовалась преимущественно терминология «Польша», «польская государственность»¹⁴, а не «Речь Посполитая» как это делается преимущественно в современной белорусской, литовской или украинской историографии.

⁷ Кручковский Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века. Гродно, 2016.

⁸ Кареев Н. И. Главные обобщения...; он же. Введение в курс истории средних...; он же. Введение в курс истории нового времени...; он же. Философии культуры...

⁹ Он же. История Западной Европы...

¹⁰ Он же. Введение в курс истории средних...; он же. Введение в курс истории нового времени...; он же. Главные обобщения...; он же. Общий ход...; он же. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905 гг.). СПб., 1905; он же. Польский вопрос в историческом освещении // Проблемы мировой войны / ред. М. И. Туган–Барановского. Пг., 1915. с. 62–85 и др.

¹¹ Кручковский Т. Т. История Польши...

¹² Кареев Н. И. Борьба шляхты с духовенством на сеймах середины XVI века // Юридический вестник. 1881. № 9. С. 38–64; № 10. С. 178–215; он же. Вопрос о религиозной реформации XVI в. в Речи Посполитой. М., 1885; он же. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886; он же. Исторический очерк Польского Сейма. М., 1888; он же. Польские реформы XVIII в. СПб., 1890.

¹³ Он же. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888.

¹⁴ Соловьев С. М. История падения Польши. М., 1863; Кареев Н. И. «Падение Польши»... и др.

К научному наследию Н. И. Кареева по настоящее время, постоянно обращаются философы, социологи, историки. Относительно последних, то среди них преобладают медиевисты и новисты. Гораздо меньше пишут о Н. И. Карееве как о полонисте, хотя его вклад в развитие российской полонистики неоспорим. В польской историографии (как XIX – начала XX века, так и современной) оценивались как общие оценочные подходы российского историка к истории Польши¹⁵, так и отдельно, как особо важная, проблематика падения Польши¹⁶. Значительное внимание к исторической полонистике Н. И. Кареева в общем¹⁷, а также к проблеме разделов Речи Посполитой проявила интерес также современная русскоязычная историография¹⁸.

На особое место Н. И. Кареева в российской исторической полонистике обращал внимание еще Мариан Серейский. Н. И. Кареев был последним российским исследователем, утверждал он, который еще перед Первой мировой войной занимался концептуально вопросами истории Польши и причинами падения Речи Посполитой¹⁹. Последующие российские исследования в отношении истории падения Польши ничего нового не вносили²⁰. Одновременно он отмечал общий подход российских историков в отношении истории Польши, ее разделов, утверждая, что их точка зрения была обусловлена усилившимся великорусским национализмом, славистскими идеями

¹⁵ *Bardach J.* Problematyka polska...; *Maternicki J.* *Nikołaj Iwanowicz Karejew a polska edukacja historyczna* // *Historiografia i kultura historyczna: studia i szkice.* Warszawa, 1990. Z. XI. S. 536–579.

¹⁶ *Korzon T.* Prof. Karejew i jego poglądy na «upadek Polski». // *Kwartalnik Historyczny.* Lwów, 1889. R. III. S. 687–702; *id.* Reformy polskie XVIII wieku przez M. J. Karjewa (Польские реформы XVIII века. К. (sic!) И. Кареева, w miesięczniku: «Вестник Европы» 1889, w księgach: V str. 5–65 i VI str. 550–620). // *Kwartalnik Historyczny.* Lwów, 1890. R. IV. S. 197–203; *Serejski M.* *Op. cit.*

¹⁷ *Дьяков В. А.* Польская тематика...; *Аржакова Л. М.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. СПб., 2014; *Лантева Л. П.* История славяноведения; *Кутявин В. В.* Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики // *Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны)* / отв. ред. А. Б. Окунь. Самара, 2004. С.138–149; *Нечухрин А. Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80–е гг. XIX – 1917 г.). Гродно, 2003; *Кручковский Т. Т.* Польская проблематика...; *он же.* История Польши...; *он же.* Н. И. Кареев о цивилизационном выборе Польши // *Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku* / pod. red. P. Franaszka. Kraków. 2007. С.25–32.

¹⁸ *Аржакова Л. М.* Опыт...; *она же.* Н. И. Кареев и его интерпретация причин падения Речи Посполитой // *Вестник СПбГУ.* Сер. 2. История. 2010. Вып. 3. С. 36–45; *Кручковский Т. Т.* Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX – начала XX века // *Славяноведение.* 1993. № 5. с.76–85; *он же.* Н. И. Кареев о причинах падения Речи Посполитой. М., 1991. Деп. в ИНИОН АН СССР 28.10.1991. № 45652.

¹⁹ *Serejski M.* *Op. cit.* S. 388.

²⁰ *Ibid.* S. 388.

и недоброжелательным или враждебным отношением к Западу²¹. Вместе с тем особо отмечалось польским историком в отношении Н. И. Кареева, что в его историографической концепции, как и вообще в либеральной традиции, Польша рассматривалась если не как равный противник, то как достойный соперник²².

Итог оценок творческого наследия Н. И. Кареева, его исторической полонистики и взглядов ученого на польский вопрос в России, а также его общественной деятельности в польском вопросе в польской историографии подвели Юлиуш Бардах²³ и Ежи Матерницкий²⁴. Ю. Бардах написал статью о характере и тематике исторической полонистики Н. И. Кареева, в том числе и в отношении падения Польши. Он дал характеристику общественно-политической деятельности ученого, в том числе, в отношении польского вопроса в России²⁵. Ю. Бардах заметил, что в вопросе о роли Варшавского университета русский историк смог пересмотреть свои же более ранние позиции и принял идею о необходимости реполонизации этого университета²⁶.

И именно историческая полонистика Н. И. Кареева, как считает современный российский полонист Л. М. Аржакова, до сих пор достаточно не изучена²⁷. Так же и, по мнению Л. П. Лаптевой, заслуживают большего внимания исследователей труды Кареева по истории Польши²⁸. В целом общественно-политическая и научная позиция Н. И. Кареева, считает Л. М. Аржакова, – «заметно перекликалась с той, какую несколько лет назад занял В. Д. Спасович, надеявшийся с помощью исторической науки найти путь к примирению польского и русского народов»²⁹. Это позиция Н. И. Кареева, утверждает она, – была причиной его настойчивости в издании в России труда Михала Бобжиньского по истории Польши. «Н. И. Кареев, чьим самым искренним желанием было содействовать установлению между нами и поляками мирного сожительства в духе истины и справедливости, –продолжает она, – видел в концепции Бобжиньского оптимальный шанс для этого»³⁰. Добавим к этому верному положению, что особенно импонировала Карееву в исторической концепции Бобжиньского, именно его

²¹ Ibid. S. 354.

²² Ibid. S. 372.

²³ Bardach J. Udział uczonych rosyjskich w walce o repolonizację Uniwersytetu Warszawskiego w latach 1905–1906 // Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. 1979. T. 13. Z. 1; *id.* Problematyka polska...

²⁴ Maternicki J. *Op.cit.*

²⁵ Bardach J. Problematyka polska...

²⁶ *Id.* Udział uczonych...

²⁷ Аржакова Л. М. Польский вопрос... С. 424.

²⁸ Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 240.

²⁹ Аржакова Л. М. Польский вопрос... С. 396.

³⁰ Там же. С. 417.

оценка причин падения Речи Посполитой, как, прежде всего, комплекса внутренних причин.

В связи с этими обстоятельствами особое значение приобретает тематика изучения истории падения Речи Посполитой в оценке Н. И. Кареева, одного из наиболее видных российских либеральных историков России имперского периода, известного в России полонофила. При этом, отмечается как в польской³¹, так и в российской³² исторических науках, что особое значение для исторической полонистики имел историографический труд Н. И. Кареева по истории падения Польши – «„Падения Польши” в исторической литературе».

Следует отметить, что первые отзывы на работы Н. И. Кареева по польской проблематике появились в современной ему польской науке (Т. Корзон, А. Рембовский, В. Смоленский, А. Павинский). Именно Тадеуш Корзон, Александр Рембовский, Адольф Павинский были теми польскими историками-современниками на исследования, которых ссылался чаще всего сам Н. И. Кареев в ряде своих «польских» трудов³³, одновременно признавая их значительный вклад в изучение истории Польши. Он выражал сожаление, что по причине государственной политики России в польском вопросе, они не могли преподавать историю своей страны в стенах Варшавского университета³⁴.

Эти историки отмечали заслуги Кареева в изучении польской тематики, отмечая исследования российского ученого в изучении истории польского сейма, реформации, падения польской государственности. А. Рембовский, говоря об исследованиях Кареева истории польского сейма, особо акцентировал то обстоятельство, что это была работа известного петербургского историка, который уже занялся польской историей³⁵. Т. Корзон, отмечая тот факт, что большинство замечаний Н. И. Кареева относилось к его исследованиям, выражал благодарность российскому историку за признание ряда его положений по истории Речи Посполитой³⁶.

Особо было отмечено стремление русского историка к объективному исследованию истории Польши: «K. napisał wymowną kartkę o bezstronności nauki narodowej, zapowiedział, że zajmie stanowisko pośrednie pomiędzy polonofilami i polonofobami rosyjskimi, przyznał historykom polskim z ostatniej doby wybitną dążność do wyświeetlenia prawdy nagiej»³⁷. Отдельно обозначал

³¹ Serejski M. Op. cit. S. 388.

³² Аржакова Л. М. Польский вопрос... С. 424.

³³ Кареев Н. И. Польские реформы...; он же. Исторический очерк...; он же. «Падение Польши»...; он же. Новейшая польская...

³⁴ Он же. Прожитое...

³⁵ Rembowski A. Исторический очерк Польского сейма (Historyczny zarys sejmu polskiego). Przew pr. Karjewa. Moskwa 1888, str. 162 // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1889. R III. S. 570.

³⁶ Korzon T. Reformy polskie... S. 198.

³⁷ Ibid. S. 203.

эти цели Н. И. Кареева в отношении исследования проблематики падения Польши Т. Корзон и в рецензии относящейся следующему труду российского историка посвященного падению Польши: «1) *podać do wiadomości wyniki badań najnowszych nad upadkiem Polski czytelnikowi rosyjskiemu* 2) *służyć za podręcznik informacyjny historykom, którzyby tę epokę studyowali* 3) *dostarczyć publicystom wskazówek co do rozwoju t. zw. „kwesty polskiej” w historyografii, by ułatwić rozwiązanie jej chociaż by w teorii*»³⁸.

Т. Корзон так же подчеркивал важность того обстоятельства, что таким образом с его концепцией может ознакомиться и российская публика³⁹. Он акцентировал тот факт, что в предисловии Кареев заявил о научных и политических целях своей работы: «*poszukiwanie wyłącznie prawdy historycznej z poręczeniem bezstronności narodowościowej i z nadzieją, że historycy, tak polscy jak rosyjscy, dojdą do „pogodzenia poglądów na przyczyny upadku Polski”*»⁴⁰.

Одновременно польские ученые подчеркивали ряд проблемных мест полонистических исследований российского историка: они касались как отсутствия самостоятельной источниковой базы в его исследованиях, фактических ошибок, произвольного толкования исследований польской историографии, так и концептуальные различия в оценке наиболее существенных проблем истории Речи Посполитой⁴¹. Так, Тадеуш Корзон отмечал, что при исследовании темы истории падения Польши Кареев не смог воплотить объявленные им принципы объективного исследования. Он писал: «*Samodzielnych badań p. K. nie przedsiębrał, do archiwów nie zaglądał, ani jednego pisma jakiegokolwiek władzy administracyjnej w oryginale nie widział <...> nawet dyaryuszów i konstytucyj sejmowych nie czytał <...> główne zaś argumenty swoje czerpie z monografii: ks. Kalinki, prof. Pawińskiego i mojej, nanizując znalezione tam fakta, lub spostrzeżenia na własną myśl przewodnią. <...> p. K. ofiaruje nam, historykom ostatniej doby, tylko swoją exegezę, a czasem swoje poprawki*»⁴². Таким образом, Т. Корзон утверждал, что Н. И. Кареев главные свои аргументы черпал из монографий кс. Калинки, проф. Павиньского и его, автора рецензии, манипулируя найденными там фактами или выводами согласно собственным положениям⁴³. Подобная точка зрения в отношении истории польского сейма высказывалась и А. Рембовским⁴⁴. Это положение было поддержано так же в современной польской науке Ю. Бардахом⁴⁵.

³⁸ *Id.* Prof. Karejew... S. 687.

³⁹ *Id.* Reformy polskie... S. 198.

⁴⁰ *Id.* Prof. Karejew... S. 687.

⁴¹ *Id.* Reformy polskie...

⁴² *Ibid.* S. 198.

⁴³ *Ibid.* S. 198.

⁴⁴ *Rembowski A.* Op. cit. S. 570.

⁴⁵ *Bardach J.* Problematyka polska...

В то время следует заметить, что в российской исторической науке, современной Карееву, проблематика разделов Польши в его творчестве не изучалась. Предложенная Екатериной II великодержавная российская трактовка обстоятельств разделов Речи Посполитой, утверждала положение о том, что «Литва, Украина, Белоруссия – русские земли или населенные русскими» была поддержана российским обществом и историко-общественной мыслью. Данный тезис исторически был обоснован еще Н. Н. Бантыш-Каменским⁴⁶ и Н. М. Карамзиным⁴⁷, а впоследствии принят и в либеральной российской историографии и даже отчасти наиболее известными историками-полонофилами – Н. И. Кареевым и А. Л. Погодиным⁴⁸.

Это положение стало так же классическим и для всей советской историографии, воспринявшей основные консервативные идеи российской историографии: основными причинами падения Польши признавались внутривнутриполитические (прежде всего, общественно-государственное устройство шляхетской Речи Посполитой, а внешнеполитическое вмешательство считалось второстепенной причиной; участие России в разделах Польши интерпретировалось не как агрессия с российской стороны, а возвращение исконно русских земель) – М. Н. Покровский, Е. В. Тарле, Л. Г. Бескровный, В. Д. Королюк и др. В советской науке отсутствовали специальные труды по исторической полонистике Н. И. Кареева. Имелись только некоторые упоминания о причинах падения Польши в оценке историка: отмечалась интерпретация ученым внутренних причин гибели польского государства, его характеристика шляхетского общественно-государственного устройства⁴⁹.

В современной российской историографии имеется статья, посвященная монографии Н. И. Кареева «„Падение Польши” в исторической литературе», важнейшей из цикла его польских работ, но до сих пор не ставшей предметом специального исследования⁵⁰. Главное внимание в статье сосредоточено на анализе трактовки русским историком причин падения Речи Посполитой, рассмотренных им под историографическим углом зрения⁵¹. Еще ранее эта проблематика в историографическом плане рассматривалась автором данной статьи в ряде публикаций, где отмечались, как положения Кареева общие для российской историографической традиции, так и его особые оценочные подходы, в том числе и в его труде «„Падение Польши” в исторической

⁴⁶ Бантыш-Каменский Н. Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии (с издания 1805 года). Вильно, 1864.

⁴⁷ Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802.

⁴⁸ Кручковский Т. Т. История Польши...

⁴⁹ Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1960. Т. 2. С. 503.

⁵⁰ Аржакова Л. М. Н. И. Кареев и его интерпретация...

⁵¹ Там же. С. 45.

литературе»⁵². В этих исследованиях отмечались только рецензии современной польской науки об истории падения Польши в интерпретации Кареева, а рецензии польских историков XIX века не рассматривались.

Отдавая должное определенным успехам российской историографии в области исторической полонистики за последние годы в разработке данной проблематики, следует отметить, что она в своем большинстве в концептуальном отношении не особенно далеко ушла от идей, установившихся в российской историографии XIX – начала XX века, и таких, что еще корнями уходили во времена разделов Речи Посполитой (Б. Н. Флоря, Н. С. Кинянина, Т. А. Капустина, Л. П. Лаптева, Н. А. Нарочницкая, Б. В. Носов, П. В. Стегний и др.). И в этом отношении современной российской полонистике можно повторить выход, относящийся к российской исторической полонистике XIX – начала XX века⁵³, что приращение знаний об истории Польши на протяжении всего исследуемого периода существенно не повлияло на ее основные, общие идеи, которые остались, чаще всего великодержавными и антизападного толка, с отдельными элементами антиполонизма.

Внимание к Польше и ее истории у Н. И. Кареева было не случайно: оно объяснялось интересом ученого к ряду переломных исторических событий Западной Европы, в которых Польша играла важную роль, а также остротой польского вопроса и тем, что ученый ряд лет проработал профессором русского Варшавского императорского университета. Н. И. Кареев решение принять эту профессуру объяснял рядом личных причин, отмечал Ю. Бардах, – связанных с невозможностью получить профессорскую должность в Москве и позицией его научного руководителя В. И. Герье⁵⁴. В своих воспоминаниях ученый приводил и «идейные» причины:

А трудное положение русского человека во враждебной окраине? А разве, думал я, не заманчива была бы задача явиться там, среди родственного славянского народа, не казенным обрусителем, но человеком, который бы явился представителем гуманной, либеральной, прогрессивной части русского общества, раз историческая судьба соединила Польшу с Россией? Займусь и я там историей Польши, во многих отношениях интересной⁵⁵.

В современной польской историографии отмечались либеральные походы Н. И. Кареева к истории Польши⁵⁶. Основным достижением ученого являлось, считал М. Серейский, – историографическое исследование заявленной тематики: он был первым российским историком, взявшимся за специальное

⁵² Кручковский Т. Т. Проблемы разделов...; он же. Н. И. Кареев о причинах... и др.

⁵³ Он же. История Польши... С. 282–291.

⁵⁴ Bardach J. Problematyka polska...

⁵⁵ Кареев Н. И. Прожитое... С. 156.

⁵⁶ Sereski M. Op. cit. S. 383; Bardach J. Problematyka polska... S. 105–106.

исследование истории падения Польши, этого сложного периода польской истории с либеральных позиций⁵⁷.

В год приезда Н. И. Кареева в Варшавский университет в польском обществе вновь всколыхнул ожесточенный спор о причинах гибели Речи Посполитой. Поводом к тому послужила публикация «Очерка истории Польши»⁵⁸ Михала Бобжиньского. Сразу после своего появления книга эта, как писал Кареев, – «за резко отрицательный взгляд на прошлое Польши вызвала массу нападок на автора как человека, „марающего родное гнездо” и чуть ли не подкупленного московскими рублями»⁵⁹. Таким образом, Н. И. Кареев волею судеб оказался в самой гуще полемики, развернувшейся вокруг тезисов книги М. Бобжиньского о причинах падения Польши. Ему, вероятно, более, чем кому-либо из российских ученых, довелось прочувствовать всю остроту этих словесных баталий, что он и отразил в своих публикациях. Особенно Н. И. Карееву импонировало то обстоятельство, что взгляды польского историка во многом совпадали с его оценочными позициями о причинах падения Польши. Эти изменения в польской науке, связанные с появлением краковской консервативной школы, он называл переворотом в польской историографии и неоднократно подчеркивал тесную взаимосвязь между концепцией Михала Бобжиньского и научной позицией одного из основоположников краковской школы Юзефа Шуйского⁶⁰. Проблематика личных и научных контактов Николая Кареева и Михала Бобжиньского, их научных дискуссий по поводу причин падения Польши отражена у Л. М. Аржаковой⁶¹. Характеризуя общий подход Н. И. Кареева к проблематике причин падения Польши, следует отметить, согласно нашему мнению, что ученый, сочетая положения российской консервативно-славянофильской и либеральной науки, приблизился в своих оценках к краковской консервативной школе польской историографии, выдвинувшей основной причиной разделов теорию «собственной вины». Россия Н. И. Кареевым, совсем в духе российской консервативно-националистической традиции, рассматривалась не как виновник разделов Речи Посполитой, а как сторона вернувшая свое прежнее достояние⁶².

О роли русского Варшавского императорского университета в политике русификации поляков неоднократно отмечалось в польской науке, в том

⁵⁷ Serejski M. Op. cit. S. 383–384.

⁵⁸ Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. Warszawa, 1879.

⁵⁹ Кареев Н. И. Прожитое... С. 170.

⁶⁰ Кареев Н. И. Новейшая польская историография и переворот в ней // Он же. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905). СПб., 1905. С. 132–208; он же. «Падение Польши»...

⁶¹ Аржакова Л. М. Опыт...

⁶² Кручковский Т. Т. История Польши...

числе и в контексте роли Кареева⁶³. Ввиду царившей здесь враждебной атмосферы русские ученые ехали в Варшаву неохотно. Это мнение поддерживается и в современной польской науке⁶⁴. Однако российский полонист Л. П. Лаптева не согласна с этим мнением, утверждая, что оно страдает односторонностью⁶⁵. Вместе в тем, отмечал Ю. Бардах, – в этой обстановке русификации Н. И. Кареев, благодаря своим взглядам и отношению к полякам оставил у них доброе мнение о себе⁶⁶.

Кредо своего поведения в Польше Н. И. Кареев изложил в своей вступительной открытой лекции. Эта лекция, писал он, понравилась полякам-слушателям, но пришлось не по вкусу попечителю учебного округа А. Л. Апухтину⁶⁷. «Я всегда был врагом всякой национальной исключительности и розни, – писал историк, отражая свою позицию в Варшаве, – всякого квасного патриотизма, шовинизма <...> всегда в особенности думал о необходимости русско-польского „примирения”. Мое поведение в Варшаве определилось этим настроением»⁶⁸.

Как считал историк, ключом к взаимопониманию его и польского окружения оказалось отношение к полякам как равноправным партнерам и объективное и уважительное отношение к польской истории⁶⁹. О том, что Н. И. Карееву удалось в определенной степени максимально объективно на том уровне знаний и современной ему общественно-политической ситуации вокруг польского вопроса подойти к рассмотрению истории Польши свидетельствуют и отзывы его коллег⁷⁰ и оценки польской историографии⁷¹. Историк в своих взглядах, отмечал Мариан Серейский, – «старался встать над тенденцией дружественной и недружественной Польше во имя исторической правды»⁷². В научной литературе неоднократно отмечалось, что Н. И. Кареев не порывал своих связей с поляками также и в последующие годы, выступая за либеральный подход к польскому вопросу⁷³.

Однако либерально-демократические взгляды Н. И. Кареева и симпатии к полякам вызывали к нему негативное отношение официальных лиц

⁶³ *Bardach J. Problematyka polska...; Maternicki J. Op. cit.*

⁶⁴ *Bardach J. Problematyka polska...*

⁶⁵ *Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 478.*

⁶⁶ *Bardach J. Problematyka polska...*

⁶⁷ *Кареев Н. И. Прожитое... С. 171.*

⁶⁸ Там же. С. 171.

⁶⁹ Там же. С. 166.

⁷⁰ *Дубровский Н. Официальная наука в Царстве Польском. Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям. СПб., 1908. С. 39–40.*

⁷¹ *Serejski M. Op. cit.; Bardach J. Problematyka polska...; Maternicki J. Op. cit.*

⁷² *Serejski M. Op. cit. S. 383.*

⁷³ *Bardach J. Problematyka polska...; id. Udział uczonych...; Лаптева Л. П. Указ. соч.; Аржанова Л. М. Польский вопрос...; Кручковский Т. Т. История Польши...*

и некоторых профессоров Варшавского университета. «Благожелательное отношение к полякам и беспристрастное отношение к истории Польши, – писал Н. И. Кареев, – вызывало по отношению ко мне нападки со стороны польских консерваторов и русских „патриотов”»⁷⁴. Подобного рода обвинения в отсутствии патриотизма Н. И. Кареев и впоследствии (уже в петербургский период) получал от историков-«патриотов» (Д. И. Иловайский, М. О. Коялович, А. С. Будилович и др.). П. А. Гейсман прямо обвинял Н. И. Кареева в снисходительном отношении к польской историографии, в которой, считал он, преобладал патриотический дух. «Нельзя и представить лучшего адвоката Польши, – писал он, – перед судом истории, как г. Кареев». Он утверждал, что в «погоне за беспристрастием» Н. И. Кареев не соблюдал русских национальных интересов⁷⁵.

Такая гражданская позиция историка препятствовала также его научной карьере. В 1884 году состоялась защита докторской диссертации Н. И. Кареева и ему была присуждена ученая степень доктора всеобщей истории. Эта уникальная работа получила многочисленные отзывы в научных изданиях⁷⁶. Однако только в 1890 году он стал ординарным профессором Петербургского университета⁷⁷. Отмечая эту сторону академической карьеры Н. И. Кареева, Л. П. Лаптева не вспомнила, однако, что это мнение было высказано еще польским историком Тадеушем Корзоном⁷⁸.

Н. И. Кареев обратился не только к изучению польской истории, но также и к польскому вопросу, понимаемому им как современное проявление и перспективы решения польской проблемы не только в рамках российской государственности, но и на международной арене. Серия его статей («Польские письма») была написана еще в варшавский период⁷⁹. Эти исследования по польскому вопросу были изданы в сборнике «Polonica»⁸⁰. Они отражали эволюцию его взглядов по польскому вопросу.

Н. И. Кареев рассматривал в качестве причин остроты польского вопроса в России обстоятельства исторического и общественно-политического характера, рассматривая их в контексте своей исторической полонистики. К первым он относил взаимосвязанное историческое прошлое России и Польши: острое польско-русское не только военно-политическое, но и цивилизационное соперничество. К современным ему общественно-политическим факторам:

⁷⁴ Кареев Н. И. Прожитое... С.212; *Vażenowa A. Historycy Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego 1869–1915: nauka i polityka*. Lublin, 2016. S. 418.

⁷⁵ Гейсман П. А., Ильенко А. К. Начало конца Польши. СПб., 1897.

⁷⁶ Кареев Н. И. Моим критикам (Защита книги «Основные вопросы философии истории»). Варшава, 1884.

⁷⁷ Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 481.

⁷⁸ *Korzon T. Reformy polskie...* S. 203.

⁷⁹ Кареев Н. И. Польские письма // Русская мысль. 1881. № 5–8, 10; 1882. № 2.

⁸⁰ Он же. *Polonica...*

польские национально-освободительные восстания, направленные, в первую очередь против России – с одной стороны, и попытки российского правительства ассимилировать поляков, – с другой⁸¹. По его определению, – «польская история XIX века – странное явление: польские патриоты были в конечном результате вынуждены умирать за чужие интересы – в первую очередь, Франции»⁸².

Формулируя свою позицию относительно решения польского вопроса в России, историк писал: «Польша должна остаться в границах России, но при этом в границах этнографической Польши должна пользоваться полной неприкосновенностью её национальности и свободы её духовного и бытового творчества и развития»⁸³. После 1905 года мнение ученого относительно польского вопроса начинает меняться в сторону признания прав польской национальности⁸⁴. В условиях начала Первой мировой войны и изменения официальной точки зрения Н. И. Кареев поддержал открыто программу автономии польских земель⁸⁵. Показательно, отмечал М. Серейский, что в России и в ее историографии переоценка отношения к Польше, происходила в конце XIX – начале XX века под влиянием внешнеполитического фактора, под влиянием осознания угрозы со стороны Германии, приводя в качестве примера и Н. И. Кареева⁸⁶. Уже после образования независимой Польши, Н. И. Кареев отмечал, что трудно было раньше предположить такой ход развития событий⁸⁷. Вероятно, так ученый оправдывал слишком осторожную свою довоенную позицию в отношении возможности возрождения польской государственности.

В результате своей общественной и научной деятельности Кареев пользовался большим авторитетом среди польской интеллигенции и считался сторонником русско-польского сближения и известным полонофилом. Свидетельством его высокой оценки в Польше является тот факт, что его учебники издавались в Польше и после обретения ею независимости

⁸¹ *Kruczkowski T.* Rewolucje 1848 roku na ziemiach polskich w ocenie historiografii rosyjskiej XIX i początków XX wieku // *Mazowieckie studia humanistyczne*. 1999. R. V, № 2. S. 13–27; *id.* Dzieje Białorusi oraz stosunki polsko-białoruskie w świetle historiografii rosyjskiej drugiej połowy XIX i początku XX wieku // *Przegląd Wschodni*. 2000. T. VI, z. 3. S. 443–476; *Кручковский Т. Т.* Польский вопрос в России начала XX века в оценке Н. И. Кареева // *Вести Института современных знаний*. 2009. № 4. С. 48–52; *он же.* Польский вопрос накануне Первой мировой войны в оценке Н. И. Кареева // *Военно-историческое наследие Первой мировой войны в Республике Беларусь и Российской Федерации: проблемы изучения, сохранения и использования: сб. науч. ст. / А. Н. Нечухрин (гл. ред.). Гродно, 2016. с. 112–122.*

⁸² *Кареев Н. И.* Польские письма. Письмо восьмое... С. 127.

⁸³ Там же. Письмо первое... С. 20–21.

⁸⁴ *Он же.* Письмо к знакомым полякам // *Polonica*... С. 254.

⁸⁵ *Он же.* Польский вопрос... С. 85.

⁸⁶ *Serejski M.* Op. cit. S. 220.

⁸⁷ *Кареев Н. И.* Европа до и после войны в территориальном отношении. Пг., 1922. С. 3–4.

и использовались в польских школах в межвоенное двадцатилетие⁸⁸. Так же Н. И. Кареев был избран заграничным членом Краковской Академии знаний⁸⁹, а затем в Вильно вступил в польское товарищество «Друзья наук»⁹⁰.

Как видим, Н. И. Кареев не только стремился исследовать польскую историю с позиций объективизма, но занимал либеральные позиции в отношении польского вопроса в России, активно выступал сторонником равноправия поляков, чем заслужил мнение известного полонофила. Ученый, рассматривая Польшу в контексте западноевропейской истории, относил ее к своеобразной части западной цивилизации, стоящей на стыке Запада и Востока Европы, выводя из этого положения особенности исторического пути Польши и ее связь с историей России.

Н. И. Кареев представил не типичный для современной ему российской науки образ Польши как страны передовой западноевропейской культуры, религиозной терпимости (до победы контрреформации), объединяющей к началу XVII века не только католическую Польшу, но и ряд православных земель Западной России в противовес почти варварской с азиатскими основаниями Московии, отмечая в ее укладе доминирование государства и слабое развитие личности. Можно утверждать, что в такой интерпретации ученого Польша и Россия к началу нового времени находились в различных цивилизационных центрах: Речь Посполитая как своеобразная часть западной цивилизации, а Московия имела черты восточной деспотии⁹¹.

Вместе с тем Н. И. Кареев, видный либеральный историк и известный полонофил, в русле славянофильских идей, не считал возможным для польско-литовского государства, как стране, находящейся на более высоком цивилизационном уровне (согласно его же историософии), выступить в роли объединителя славянского мира. Историю западнорусских земель и польско-московское противостояние ученый рассматривал преимущественно в русле консервативно-патриотической традиции. Исходя из этих факторов, Н. И. Кареев объяснял и особенности истории Польши: военно-политическое противостояние с германским миром, как борьбу геополитическую за влияние и территории (в отличие от славянофильской концепции) и цивилизационную борьбу на востоке с Москвой как «борьбу польской и русской идей».

Однако в трактовке одной из важнейших для исторической полонистики проблем – разделов Польши, Н. И. Кареев оказался ближе к консервативной историографии. Вполне в русле российской историографической традиции,

⁸⁸ *Bardach J. Problematyka polska...* S. 148.

⁸⁹ *Poczet członków Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Umiejętności w latach 1872–2000.* / red. Rita Majkowska, Kraków, 2006. S. 156.

⁹⁰ *Bardach J. Udział uczonych...* S. 46.

⁹¹ *Кручковский Т. Т. История Польши...* С. 290.

он считал главными причинами падения Польши внутренние общественно-политические причины, а не внешнее вмешательство соседних великих держав. Эти обстоятельства ученый рассматривал как результат не только внутренних условий, но и западного цивилизационного влияния. В качестве внешних факторов Н. И. Кареев рассматривал польско-немецкий антагонизм и польско-русское противостояние. Хотя изложение материала и поставленные ученым вопросы перспектив польских реформ в контексте возможности выхода страны из кризисного состояния давали возможность увидеть преобладающим внешний фактор, однако делать подобные выводы он не стал. Россия Кареевым рассматривалась не как виновник разделов Речи Посполитой, а как сторона вернувшая свое прежнее достояние. Ученый, сочетая положения российской консервативно-славянофильской и либеральной науки, приблизился в своих оценках к краковской консервативной школе польской историографии, выдвинувшей основной причиной разделов теорию «собственной вины»⁹². Вместе с тем оценивая взгляды Н. И. Кареева на комплекс причин падения Речи Посполитой, М. Серейский ставил историку в заслугу то обстоятельство, что он решительно отказался от теории вины польского национального характера, которая была популярной в части российской и немецкой историографии, как не имеющей научных обоснований⁹³.

Эти противоречия исторической полонистики Н. И. Кареева и его, порой, осторожные позиции в польском вопросе особенно ярко отразились в важнейшей проблематике, как для российской, так и польской исторической полонистики: проблеме истории падения Польши. Историографический анализ оценок польской историографией данной проблемы еще более подчеркивает сложность и неоднозначность этой проблемы для известного российского либерального историка.

Как уже отмечалось, первые оценки не только исторической полонистики, но и проблематики падения Речи Посполитой Н. И. Кареева были сделаны в современной ему польской историографии. Характеризуя основные положения труда Н. И. Кареева⁹⁴ о реформах в Речи Посполитой второй половины XVIII века⁹⁵, Т. Корзон высказал ряд верных замечаний и мнений, которые были близки к его замечаниям в рецензии о причинах падения Польши в оценке Н. И. Кареева⁹⁶.

Подвергнут был критике в польской историографии важнейший тезис Н. И. Кареева о причине падения Польши, заключавшийся в недостатках

⁹² Там же. С. 290–291.

⁹³ *Serejski M.* Op. cit. S. 384.

⁹⁴ *Кареев Н. И.* Польские реформы...

⁹⁵ *Korzon T.* Reformy polskie... S. 197–203.

⁹⁶ *Id.* Prof. Karejew...

шляхетского общественно-государственного устройства. Н. И. Кареев особо акцентировал положения о политической доминации шляхты, слабости городского сословия и угнетенном положении крестьян, а также тезис о слабости исполнительной власти, противостоянии сейма и сеймиков. Соглашаясь с общим положением в российской историографии, что Польша погибла вследствие внутреннего безвластия, писал Серейский, – Кареев не считал, что это падение вызвало республиканское устройство. «Такое положение, – считал Серейский, – было продиктовано монархической доктриной, подобным образом, как и тех, которые считали причиной падения, нарушения республиканских принципов»⁹⁷.

Еще Т. Корзон поставил проблему причин столь отличных принципиальных оценок польского шляхетского общественно-государственного устройства Н. И. Кареева от оценочных подходов польской исторической мысли. Отмечено было в польской историографии современной Н. И. Карееву, что утверждая положение о слабости исполнительной власти как главной причине падения Польши, российский историк изложил точку зрения краковской школы, следуя исследованиям Бобжиньского⁹⁸. Сам Кареев писал, что внутреннее «безнарядье» и разложение верхушки польского общества содействовали падению Польши, что подтверждали и польские историки: Бобжиньски указывал, что «не границы, и не соседи, только внутренний разлад довел нас до потери национальной государственности»⁹⁹.

В связи с этим Кареев особо отмечал правильное, на его взгляд, положение Валериана Калинки во введении к «Последним годам правления Станислава Августа», что в упадке Польши виноват весь народ, а преимущественно его правящий слой – шляхта¹⁰⁰. Происхождение этой теории, или так называемого «комплекса собственной вины» М. Серейский объяснял упадком морального духа поляков после Январского восстания¹⁰¹. Именно на это и другие подобные положения краковских историков Н. И. Кареев неоднократно ссылался, желая показать правильность преимущественно внутренних причин падения Польши.

Как правильно заметил М. Серейский – сущность точки зрения Н. И. Кареева была в том, что основной причиной слабости Речи Посполитой была децентрализация власти: «польскому сейму не удалось одержать верх над местными сеймиками», государство стало фактически «федерацией воеводств», наступила деморализация власти, что привело к политической деморализации граждан, а все это привело к разложению государства.

⁹⁷ *Serejski M.* Op. cit. S. 384.

⁹⁸ *Korzon T.* Prof. Karejew... S. 688.

⁹⁹ *Кареев Н. И.* Новейшая польская... С. 161.

¹⁰⁰ *Kalinka W.* Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Kraków, 1868. Cz. I. S. 5.

¹⁰¹ *Serejski M.* Op. cit. S. 353.

Эта точка зрения Кареева, отмечал Серейский, – была основана на предшествующей историографии¹⁰². Н. И. Кареев утверждая, что другие причины: общественный гнет иноверцев, которые можно найти и в других государствах, были только второстепенными, как и в отношении темноты народа или экономическом положении страны, писал Серейский, – приходил к положениям, близким к М. Бобжиньскому, а также авторов периода просвещения¹⁰³.

Рассматривая внутреннюю структуру сейма Н. И. Кареев, считал, что две его палаты (посольская изба и сенат) были обречены на взаимный антагонизм¹⁰⁴. Противопоставление сейма и сеймиков Н. И. Кареев считал, согласно российским представлениям о государственности, причиной незавершенности объединения страны. Из этой идеи, исходит положение ученого о конгрессивном характере польского сейма. Этот тезис был взят историком у современной ему польской историографии¹⁰⁵. Он также давал определение сейма как международного конгресса¹⁰⁶. Этот тезис стал общим для большинства российских историков. Так, М. К. Любавский считал, что Речь Посполитая не была единым государством, а федерацией воеводств и после каждой новой конфедерации она как бы образовывалась заново¹⁰⁷.

А. Рембовский утверждал, что положение о федерализме польского сейма не является новшеством Н. И. Кареева: эта идея встречалась в трудах польских публицистов XVIII века и немецких историков XIX века¹⁰⁸. В современной науке, как отмечал Ю. Бардах, – говоря о взглядах Кареева на этот вопрос, тезис о противостоянии сейма и сеймиков в Речи Посполитой не удержался¹⁰⁹.

Это положение, как было замечено еще Т. Корзоном¹¹⁰, было принято Н. И. Кареевым из исследований А. Павиньского¹¹¹. Однако, как справедливо утверждал Т. Корзон, – исследование А. Павиньского о польском сейме относилось к его истории сейма в XVII веке и не правомочно было Карееву те же выводы использовать к другому периоду истории сейма. По этому поводу он писал: «Nie zdaje mi się jednak, żeby p. Pawiński przyzwolił na takie zastosowanie swych spostrzeżeń z XVII i pierwszej połowy XVIII w.

¹⁰² Ibid. S. 385.

¹⁰³ Ibid. S. 385.

¹⁰⁴ Кареев Н. И. Очерк истории... С. 123.

¹⁰⁵ Bobrzyński M. Op. cit.; Pawiński A. Rządy sejmikowe w Polsce. 1572–1795. Kraków. 1888.

¹⁰⁶ Кареев Н. И. Исторический очерк... С. 79.

¹⁰⁷ Любавский М. К. Политический строй Польши после Люблинской унии. М., 1901. С. 16.

¹⁰⁸ Bardach J. Problematyka polska... S. 125.

¹⁰⁹ Ibid. S. 574.

¹¹⁰ Korzon T. Reformy polskie... S. 201.

¹¹¹ Pawiński A. Op. cit.

do prac ustawodawczych sejmu czteroletniego, skoro od r. 1764 datuje trzecią epokę – ograniczenia atrybucyi sejmiku»¹¹². Заключение польского историка, основанного на современном ему состоянии исследований в этой области польской историографии, совершенно подвергало сомнению вывод Кареева относительно его положения о польском сейме как одной из причин падения Польши: «A już nikt zgoła ze znawców tej epoki nie przyzna trafności twierdzeniu p. K-a, jakoby sejm czteroletni napotykał w swych reformach „nieprzewzyciężoną opozycyę” ze strony sejmikującej szlachty wojewódzkiej»¹¹³.

Более детально происхождение этих взглядов Н. И. Кареева на историю и структуру польского сейма рассматривал в своей рецензии А. Рембовский¹¹⁴. Он отметил отсутствие собственных исследований Кареева в этой области и слабое знание им польской литературы предмета, а порой и их невнимательное прочтение¹¹⁵.

А. Рембовский в свою очередь подверг критике положение Н. И. Кареева об оригинальности польского сейма основанной на его федерализме. Прежде всего, считал он, – по внешним формам правовой системы невозможно судить о его сути, что сделал Н. И. Кареев¹¹⁶. Рембовский считал, что сравнение польского сейма в отношении сословного представительства и механизма его действия с представительными органами Запада, не дает оснований говорить об уникальности польского сейма, а элемент, называемый Кареевым «федерализмом», существовал во всей Западной Европе¹¹⁷. Это положение отмечается и в современной польской науке, где упоминается данная полемика Кареева и современных ему польских историков и отмечается, что точка зрения российского ученого об особой оригинальности и федерализме польской государственности не была принятой¹¹⁸.

Н. И. Кареев считал, что польский парламентарный строй обречен на анархию. Возможности реформ он связывал с программой «направы» строя государства трибунами польского протестантизма¹¹⁹. Вторая такая возможность, по Карееву, у польской шляхты была после 1572 года. Решающее значение здесь, писал он, вслед за А. Павиньским, – имело то обстоятельство, что на жизнь одного поколения пришлось три бескорольевья¹²⁰. «XVI век стал поворотным в польской истории, – считал Кареев, – когда после некоторых

¹¹² Korzon T. Reformy polskie... S. 201.

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ Rembowski A. Op. cit. S. 569–577.

¹¹⁵ Ibid. S. 570–571.

¹¹⁶ Ibid. S. 571.

¹¹⁷ Ibid. S. 572–573.

¹¹⁸ Wierzbicki A. Wschód–Zachód w koncepcjach dziejów Polski. Warszawa, 1984. S. 269, 286.

¹¹⁹ Кареев Н. И. Очерк истории... С. 27–29.

¹²⁰ Там же. С. 66.

колебаний польская нация определила свой путь – приведший общество к культурному застою, а государство к разделам»¹²¹.

По мнению Т. Корзона, вся аргументация Кареева сводилась к тезису о том, что никакие реформы, ни удачная внешнеполитическая и внутриполитическая конъюнктура не могли спасти Польшу от ее падения¹²². Он писал: «Powiedzmy krótko: p. K. zaprzecza lub wyrazami nieufności opatruje wszystkie wskazówki historyków polskich na dodatnie strony życia, na poprawę urzędzeń lub stosunków Rzeczypospolitej, wyrażając się sceptycznie o „odrodzeniu” narodu, zatwierdza zaś wyraźnie tylko ich wyznania win i błędów narodowych»¹²³.

В российской науке проблема польских реформ рассматривалась с двух точек зрения: первая – реформы только ускорили гибель государства (С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров и др.); вторая – реформы, хотя и не спасли государство от раздела, но способствовали значительным изменениям в общественно-политической жизни, пробуждению польского народа (Н. И. Кареев, М. К. Любавский, А. Л. Погодин и др.)¹²⁴. Н. И. Кареев, не отрицая прогрессивности реформ, подчеркивал в духе большинства российских историков мнение о том, что попытки правящего класса Польши возвыситься над своими интересами были мало результативными. Он писал: «зародыши патриотизма, возвышающегося над сословным интересом, были столько незначительны и слабы, что их едва можно было принять за посевы для будущего»¹²⁵. Для подтверждения этого положения (отметим его присутствие у С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова – Т. К.) Н. И. Кареев опирался на мнение В. Калинки – «o demoralizacyi społeczeństwa polskiego i czczości prcas sejnowych». Однако Н. И. Кареев подвергал критике С. М. Соловьева за утверждение, что реформы только ускорили падение Польши¹²⁶.

Т. Корзон, подвергая столь резкой критике Н. И. Кареева, не заметил присутствия у него и другой точки зрения¹²⁷. В своем исследовании о польских реформах Н. И. Кареев прямо писал, что «иностранный вмешательство застало Польшу в тот момент, когда, видимо, нация выходила на более правильный исторический путь»¹²⁸.

Как утверждал Т. Корзон, Кареев по причине привязанности к российским государственным традициям, не смог увидеть за сеймовыми дебатами

¹²¹ Там же. С. 68.

¹²² *Korzon T. Reformy polskie...* S. 198.

¹²³ *Id. Prof. Karejew...* S. 693.

¹²⁴ *Кручковский Т. Т. История Польши...*

¹²⁵ *Кареев Н. И. «Падение Польши»...* С. 365.

¹²⁶ Там же. С. 230.

¹²⁷ *Korzon T. Reformy polskie...; id. Prof. Karejew...*

¹²⁸ *Кареев Н. И. Польские реформы...* С. 6.

процесса внедрения в жизнь решений сейма о реформах в Речи Посполитой. По этому поводу он писал:

W braku praktyki życia parlamentarnego mógłby p. K. pozbyć się wielu pesymistycznych poglądów, gdyby spróbował zapowiedzianej metody porównawczej n. p. zestawiając osławione sejmy polskie, «kongresywne» czy kongresowe z kongresem amerykańskim z lat 1774–1783, jeszcze bardziej skrzepowanym, jeszcze mniej mocy politycznej posiadającym, a jednak nie obwianym o zrujnowanie Stanów Zjednoczonych, albo sejmików polskich z wyborami angielskimi za Jerzego III, kiedy tak często zdarzały się tam różne gwałty i bójki¹²⁹.

Он также приводил в рецензии многочисленные примеры из своих исследований о реализации реформ, которые не принял во внимание русский историк¹³⁰.

В целом, оценивая реформы, Н. И. Кареев отмечал, что было «замешательство, вызванное реформами», которым воспользовались иностранные государства, и «шляхта не могла одна спасти Речи Посполитой»¹³¹. В общем, высоко оценивая историческое творчество Т. Корзона, Н. Кареев подверг критике его взгляды на патриотизм польского общества периода разделов как слишком оптимистические¹³². Именно с этим положением не была согласна современная ему польская наука. Т. Корзон детально анализируя аргументацию российского ученого, взятую из трудов польских историков (в том числе и его собственных) обратил внимание не только на концептуальные различия, но и заметил ряд ошибок и произвольных интерпретаций текстов польской историографии¹³³.

Оценку конституции 3 мая 1791 года Н. И. Кареев давал осторожно и в основном с точки зрения перспектив выхода Польши из кризисной ситуации. Он не рассматривал отношения Пруссии и правительства Екатерины II к конституции 3 мая¹³⁴. В отношении оценок Н. И. Кареевым конституции 3 мая, Т. Корзон высказывал несправедливое мнение, что он уклонился от самостоятельных оценок и следовал выводам Костомарова¹³⁵. По мнению же А. Рембовского, оценка положительных сторон конституции 3 мая Н. И. Кареевым слишком общая и поверхностная¹³⁶.

Исходя из положения о польско-прусском антагонизме, Н. И. Кареев делал вывод о том, что польские реформы не были опасны для России

¹²⁹ *Korzon T. Reformy polskie...* S. 202.

¹³⁰ *Ibid.* S. 202.

¹³¹ *Kareew H. I. «Падение Польши»...* С. 40–42.

¹³² Там же. С. 316.

¹³³ *Korzon T. Reformy polskie...*

¹³⁴ *Kareew H. I. Польские реформы...* С. 172–175.

¹³⁵ *Korzon T. Prof. Karejew...* S. 688.

¹³⁶ *Rembowski A. Op. cit.* S. 577.

в отличие от Пруссии. Историк считал, что конституция 3 мая могла быть первым шагом на пути преобразований. Ее сильные стороны, по мнению ученого, – отмена *liberum veto*, установление наследственности польского престола, право участия мещан в сейме, попытка решения крестьянского вопроса. Однако она не разрешила, считал он, – коренных противоречий в государственном строе: король потерял окончательно законодательную власть, но ее не взял на себя и сейм¹³⁷.

Подвергнуто было польскими историками справедливой критике положение Н. И. Кареева, выдержанное в духе консервативно-националистической историографии, о слишком слабой поддержке конституции 3 мая польским обществом, и наоборот массовой поддержке поляками Тарговицы. Т. Корзон резонно спрашивал по этому поводу: «Czemuż nie zadał sobie pytania p. K.: co się stało z targowiczaniem w r. 1794? <...> Jakich doznali sympatyj i nagród od „przygnębiającej większości szlachty” i od „całej prawie nacyi”, bo i od pospólstwa, tak w Warszawie, jak w Wilnie?»¹³⁸.

Поднимал Т. Корзон в интерпретации Н. И. Кареева и столь популярный в российской науке тезис о том, что тяжелое положение польского крестьянства стало одной из причин падения Польши¹³⁹. В этом вопросе Кареев оказался в плену стереотипов российской науки. Т. Корзон отвечал на замечание Н. И. Кареева, в том числе, и в свой адрес, о том, что шляхта не смогла решить крестьянский вопрос, и все у нее свелось только к «говорильне». Он припоминал о значительном использованном им архивном материале о сеймовых дебатах по крестьянскому вопросу и о внедрении этих решений в жизнь¹⁴⁰. Т. Корзон справедливо подверг критике положения российского историка о том, что положение польского крестьянства было еще хуже, чем российского и, что именно российская сторона выступила опекуном польского крестьянства¹⁴¹.

А. Рембовский подверг критике мнение Н. И. Кареева об устранении городов от политической жизни страны. А. Рембовский по этому поводу отмечал: «Nie zadawszy sobie jednak tego trudu i nie zbadawszy gruntownie cytowanego materiału pr. Karjewej przyszedł do ogólnikowego sądu odmawiającego miastom polskim charakteru stanu w znaczeniu prawa państwowego»¹⁴². Отвечал также и Т. Корзон на упреки Н. И. Кареева в отношении вопроса о городском населении, которое, по его мнению, проявило безразличие к судьбе собственного государства и, исходя из этого, данный вопрос

¹³⁷ Кареев Н. И. Польские реформы... С. 145–171.

¹³⁸ Korzon T. Prof. Karejew... S. 688.

¹³⁹ Id. Reformy polskie... S. 199–200.

¹⁴⁰ Ibid. S. 198.

¹⁴¹ Ibid. S. 200.

¹⁴² Rembowski A. Op. cit. S. 576.

рассматривался им как одна из причин гибели Польши. Польский историк, отвечая на упрек Кареева в том, что хотя «горожане приняли участие в восстании Косцюшки», однако не оказали сопротивления Тарговице, замечал: «miasta polskie nie posiadały siły zbrojnej, która by oprzeć się mogła pułkom rosyjskim, prowadzonym przez Targowiczan; zresztą w kilka miesięcy później ich przekonania i sympatyje objawiły się aż nadto wyraźnie w szeregu czynów, znanych powszechnie»¹⁴³.

Хотя Н. И. Кареев не считал внешние причины главными в падении Польши, но он указывал основные из них: польско-германский антагонизм и русский вопрос в Речи Посполитой. Такие оценки Кареева вызвали справедливую критику в среде польских историков. Т. Корзон отмечал истоки такого подхода Н. И. Кареева, указывая, что эти положения ученым были приняты из немецкой историографии, в частности у Г. Зибеля¹⁴⁴. На Г. Зибеля, рассматривая причины падения Польши, и принимая положение о польско-немецком антагонизме, ссылался еще С. М. Соловьев¹⁴⁵. Далее Корзон замечал, что принятие положений Зибеля привело Кареева к повторению ряда тезисов об агрессивности Польши в отношении немецких земель, которые «możliwe do napisania chyba przy kompromitującej nieznamomości dziejów Polski»¹⁴⁶.

Основные положения Н. И. Кареева о внешних причинах разделов Речи Посполитой М. Серейский определил следующими моментами: 1) борьба между Польшей и Пруссией была борьбой за жизненные интересы Пруссии: «усиление Польши обозначало смерть Пруссии» 2) исторические исследования доказывают, что инициатором разделов был Фридрих II; Россия от веков имела свои счета с Польшей за Западную Русь¹⁴⁷.

В вопросе о западнорусских землях (белорусских и украинских) российская историография (здесь едины либералы и консерваторы) исходила из тезиса об исключительной прерогативе московского православного влияния. Мысль о возможности федеративного вхождения этих земель в состав Речи Посполитой (за исключением Ф. М. Уманца) или их самостоятельного развития (Беларуси и Украины) решительно отвергалась¹⁴⁸.

Вместе с тем Н. И. Кареев, как и часть представителей либеральной историографии, сумел увидеть в столкновении Польши и Москвы борьбу двух государств, где религиозная нетерпимость и вражда присутствовали с обеих сторон, но первое место занимали геополитические интересы, а не

¹⁴³ Korzon T. Reformy polskie... S. 201.

¹⁴⁴ Id. Prof. Karejew... S. 693.

¹⁴⁵ Соловьев С. М. Указ. соч.

¹⁴⁶ Korzon T. Prof. Karejew... S. 694.

¹⁴⁷ Serejski M. Op. cit. S. 386.

¹⁴⁸ Кручковский Т. Т. История Польши... С. 282–291.

национальные. Ярким показателем классовых интересов царского правительства в деле раздела Польши, считал Н. И. Кареев, было сохранение польского землевладения до польских восстаний. «Хотя это и было делом собирания русских земель, – заключал историк, – но мотивы, приведшие к этому весьма далекие, вследствие чего политическое соединение юго-западной России с русским государством почти ничем не ознаменовалось для русского народа, освобожденного от Речи Посполитой»¹⁴⁹. Эти положения Н. И. Кареев подтверждал рядом примеров поведения российской стороны. Так он отмечал в своих работах ряд фактов, говорящих о «русскости» занятых территорий: во время второго раздела Польши Сиверс представил Екатерине II проект русификации западных провинций с помощью издания напечатанных по-русски книг, но с польскими буквами и согласно польскому произношению. В качестве доказательства он приводил и воспоминания о посещении в 1802 году членом Петербургской академии Василием Севергиным Белоруссии, который называл ее жителей схизматиками и писал о том, что «там не умеют говорить, а ни слова по-русски»¹⁵⁰.

«Шла борьба между двумя государствами, – делал вывод Н. И. Кареев не характерный для российской историографии, – и в этой борьбе религиозный вопрос – предлог, национальный – игнорировался, а социальный – не поднимался, все заслоняли политические интересы»¹⁵¹. Это признание российского историка и отмечал Т. Козон, как пример несоответствия его научного подхода и политических установок. Он писал по этому поводу следующее: «*zmusza p. K. do fatalnego wyznania, że „w polityce rosyjskiej za Katarzyny II miała przewagę panująca w owym czasie również na Zachodzie idea państwa, zupełnie abstrakcyjna t.j. bez żadnego zabarwienia wyznaniowego z epoki poprzedniej i bez zabarwienia narodowościowego, nadanego jej w wieku XIX”*»¹⁵².

Таким образом, Н. И. Кареев, считал так же и М. Серейский, – запутываясь не раз в противоречиях: защищал Екатерину аргументом, который противоречит его собственному кредо – Екатерина и ее поколение не руководствовались ни религиозными, ни национальными принципами, служили они ей предлогом для интервенции в польские дела¹⁵³.

Как отмечается в польской науке, Н. И. Кареев не раз упрекал польских и западных исследователей в непонимании русского вопроса в истории падения Речи Посполитой, непонимании процесса «собирания русских земель» и т.д.¹⁵⁴ На это положение Кареева обращал внимание и М. Серей-

¹⁴⁹ Кареев Н. И. «Падение Польши»... С. 220.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же. С. 279.

¹⁵² Korzon T. Prof. Karejew... S. 699.

¹⁵³ Serejski M. Op. cit. S. 388.

¹⁵⁴ Korzon T. Prof. Karejew... S. 692, 694.

ский. Он писал, что Н. Кареев разделял общую точку зрения о собирании русских земель, отмечая, что разделами Россия, хотя достигла своей цели, но должна была отказаться от политики Петра I сохранения целостности Речи Посполитой под своим влиянием, что было единственной для тогдашней Польши полезной альтернативой¹⁵⁵.

Весьма интересным и правильным, по сути, является общий вывод польских историков показывающим суть различного цивилизационного понимания не только проблематики разделов Речи Посполитой, но общих ценностей российской и польской стороны как совершенно различных цивилизаций. По этому поводу Тадеуш Корзон, подводя итог анализа оценочных подходов Н. И. Кареева на проблематику падения Польши, отметил следующее:

Największą zaś trudność przedstawia dla Roszjanina zrozumienie: czym była wolność i czym swawola, anarchia w Rzeczypospolitej Polskiej? Przyzwyczajony do wszechobecnej i wszechpotężnej władzy, dominującej nad wszystkim i nad wszystkimi przez reprezentantów swych, urzędników, historyk rosyjski chyba przy nadzwyczajnym talencie potrafiłby wcielić się myślą w inne społeczeństwo, gdzie każdy chodzi, jeździ, robi lub nie robi, jak zechce, krępując się tylko obyczajem panującym i przyzwoitością¹⁵⁶.

Таким образом, общая оценка подходов Н. И. Кареева к проблематике падения Речи Посполитой польскими историками отличается определенным разнообразием. А. Рембовский давал, в общем, за исключением «Истории польского сейма», высокую оценку «польского» творчества ученого: «Poprzednie rozprawy pr. Kariejewa dowiodły niewątpliwie tej prawdy, że jest wolnym od wszelkich uprzedzeń politycznych i że pragnie wytrwać na stanowisku ściśle przedmiotowym, starając się zbadać o ile można najgorliwiej badaną kwestyę»¹⁵⁷.

Общая оценка Т. Корзона полонистических исследований Н. И. Кареева, и прежде всего его оценочных подходов к истории падения Польши, в итоге была негативной. Хотя историк отмечал, что Н. И. Кареев ставил цель – «ustalenie ściśle historycznego poglądu na epokę drogą krytycznej analizy oddzielnych najważniejszych stron kwestyi»¹⁵⁸, однако считал он, что реализовать это русскому ученому не удалось. По суровому мнению Т. Корзона, общее эмоциональное впечатление для российской публики, представленного образа Польши было негативным:

czytelnik lub słuchacz rosyjski (bo ta sama zapewne rozprawa była wygłoszona na odczytach, publicznych) nie powęźmie z niej żadnego współczucia, ani politowania dla Polski upadłej.

¹⁵⁵ Serejski M. Op. cit. S. 387.

¹⁵⁶ Korzon T. Prof. Karejew... S. 701.

¹⁵⁷ Rembowski A. Op. cit. S. 570.

¹⁵⁸ Korzon T. Reformy polskie... S. 197.

Przed wyobraźnią jego przesuwa się długie pasmo wstrętnych i «niepoprawnych» wad, grzechów «zasadniczych», licznych omyłek, niedostateczności reform i t. p., a lepsze czyny i myśli utopione zostały w polemicznej negacyi¹⁵⁹.

Более того, по мнению Тадеуша Корзона, такой подход Кареева к проблеме падения Речи Посполитой, объяснялся не концептуальными оценками российского историка, а его пониманием российского патриотизма. Он писал:

zapewne uczucie patryotyczne podniecało go do zdobywania się na wszelkie argumenty, że Polska w XVIII wieku niepodległości utrzymać nie mogła, że rozbiór jej był nieuchronnym, koniecznym, a więc też i legalnym. Z sercowych popędów, nie z rozumowej rachuby, nie z naukowego badania i sprawdzania daje się też wyrozumieć wymuszanie na historykach polskich wyznań, jakich ci czynić nie chcieli¹⁶⁰.

Вместе с тем Т. Корзон признавал сложности объективного подхода к истории Польши в России: «Istnieją zapewne dziś w Rosji tak wielkie trudności intelektualne i materyalne w dociekanii prawdy o sprawach polskich, że pokonanie ich jest niemożliwe w tej chwili». Этот вывод Корзон распространял и на известных либеральных историков: «nawet dla takich historyków, którzy pragną podnieść z zapomnienia szlachetne hasła Granowskiego i Kudrjawcewa, niegdysь profesorów uniwersytetu moskiewskiego»¹⁶¹.

Пример, отметим не совсем удачный, даже в сравнении с некоторыми консервативно-славянофильскими оттенками в исторической полонистике Н. И. Кареева. В отношении российско-польского соперничества Т. Н. Грановский выступил вполне в духе известных полонофобских идей А. С. Пушкина. Данный вопрос не рассматривался Т. Н. Грановским в исторических исследованиях, но сохранились сведения о его постановке в дискуссиях в кругу друзей и коллег¹⁶². Грановский, отметив общее историческое происхождение русских и поляков, утверждал, что «в великом вопросе: кто станет во главе славянского развития – судьба решила в пользу России <...> Так хотело Провидение <...> Сыны Польши должны стоять в истории не под именем немцев или французов, но под именем славян»¹⁶³. Он призывал поляков: «Покоримся Провидению в том, что оно предоставило России вести славян к высшей исторической цели»¹⁶⁴.

¹⁵⁹ Ibid. S. 202.

¹⁶⁰ Ibid. S. 203.

¹⁶¹ Ibid. S. 203.

¹⁶² *Щукин В. Г.* Русское западничество: генезис – сущность – историческая роль. Łódź, 2001.

¹⁶³ *Неверов Я. М.* Тимофей Николаевич Грановский, профессор Московского Университета. Воспоминания Я. М. Неверова. 1834–1856 гг. // Русская старина. 1887. Т. 27. С. 749–750.

¹⁶⁴ *Неверов Я. М.* Указ. соч. С. 749–750.

Т. Н. Грановский рассматривая историю сословно-представительских монархий Европы, в качестве примера называл сословную монархию в Испании. Он писал, что испанцы «понимали конституционные формы тогда, когда об этом нигде не имели понятия <...> Теперешняя Европа еще борется за то, что у них тогда было»¹⁶⁵. В то время как в отношении аналогичных сословно-представительских органов в Польше подобного рода оценки он не высказывал¹⁶⁶.

Таким образом, данная Т. Корзоном оценка, согласно, нашему мнению, правильна только частично: как уже отмечалось Н. И. Кареев в основном в оценке истории падения Польши присоединился к позициям российской консервативной историографии¹⁶⁷. В то же время его научные взгляды требовали объективного и беспристрастного подхода к изучаемой тематике. По этому поводу он писал: «историк-патриот доказывает свою любовь к Отечеству не тем, что поддерживает приятные иллюзии, но своим стремлением раскрыть перед народом историческую правду»¹⁶⁸. Общественная позиция историка по польскому вопросу доказывают, что он искренне хотел российско-польского взаимопонимания и сближения в рамках тогдашнего понимания российского либерализма.

Однако, на наш взгляд, следует помнить о значительной особенности российского либерализма в целом, и в отношении к польскому вопросу в особенности: сочетание идей российского государственника и либерала-западника со славянофильскими идеями в общественно-политическом плане, а в историософской концепции историософской концепции – основополагающей роли государственного начала и идеи об антагонистических исторических миссиях России и Польши и, исходя из этого, обреченности их на неизбежное противоборство. По мнению российской историографии в этом столкновении победителем могла быть только Россия. Или в лучшем случае, как это было у Н. И. Кареева и В. О. Ключевского, Россия должна была вернуть свое, т.е. западнорусские земли (Украину и Белоруссию), а Польша должна была вернуться к территории до уний с Литвой.

В исторической полонистике размывались четкие границы между либералами и консерваторами, «стиралась грань между славянофилами и западниками». Либеральным историкам, даже видным полонофилам свойственно было великодержавное мышление¹⁶⁹. Это и сказалось, как показывает

¹⁶⁵ Т. Н. Грановский и его переписка: в 2 т. М., 1897. Т. 2. С. 351.

¹⁶⁶ Кручковский Т. Т. История Польши... С. 70.

¹⁶⁷ Там же. С. 261–281.

¹⁶⁸ Кареев Н. И. Историка (Теории исторического знания). СПб., 1913. С. 249–250.

¹⁶⁹ Кручковский Т. Т. История Польши... С. 282–291.

историографический анализ его творчества, на исторической полонистике Николая Кареева, особенно в части ее касающейся истории падения Польши¹⁷⁰. Н. И. Кареев преодолел в своей, исторической полонистике ряд стереотипов российской историографии, однако полностью избавиться от них он не смог по причине ряда известных обстоятельств.

В то время оценка Мариана Серейского исторической полонистики Н. И. Кареева была более положительной. Он утверждал, что на фоне других российских историков исследования Кареева отличались стремлением к познанию исторической истины. Ученый стремился объективно исследовать, столь сложную для российской историографии, проблематику истории падения Польши и первым в российской историографии подошел с либеральных позиций к изучению столь сложной для нее тематики¹⁷¹. В общем положительной была так же оценка современного польского историка Ю. Бардаха проблематики падения Польши в творчестве Н. И. Кареева, хотя он и отмечал ряд замечаний, высказанных еще польскими историками XIX века¹⁷².

Таким образом, исследование проблематики концепции Н. И. Кареева причин падения Польши в интерпретации современной ему польской исторической науки (Т. Корзон, А. Рембовский, А. Павинский) показывает, что оценка польских историков XIX – начала XX века научного вклада Н. И. Кареева в разработку проблематики истории падения Польши, скорее негативна, несмотря на общую положительную оценку его исторической полонистики и общественно-политической деятельности в польском вопросе. Ими отмечено, что этот известный российский историк либерал и полонофил придерживался в основном оценочных позиций по исследуемой проблематике российской, консервативной, историографии и использовал ряд положений консервативной краковской школы польской историографии.

Более положительной была оценка научного наследия Н. И. Кареева, в том числе и в отношении проблематики разделов Польши, в польской историографии XX века (М. Серейский, Е. Матерницкий, Ю. Бардах). Вместе с тем они принимали основные замечания в отношении концепции Н. И. Кареева относительно исследуемой проблематики польской историографии XIX века. Однако основной акцент делался на либеральные позиции российского историка и его стремление к объективному познанию польской истории. Отмечено также, что ряд основных идей, поддерживаемых Н. И. Кареевым в исследуемой проблематике, не удержались в современной науке.

¹⁷⁰ Там же. С. 261–281.

¹⁷¹ *Serejski M.* Op. cit.

¹⁷² *Bardach J.* Problematyka polska...

Избранная библиография

Источники

- Н. И. Кареев.* Борьба шляхты с духовенством на сеймах середины XVI века // Юридический вестник. 1881. № 9. С. 38–64; № 10. С. 178–215
- Н. И. Кареев.* Вопрос о религиозной реформации XVI в. в Речи Посполитой. М., 1885
- Н. И. Кареев.* Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886
- Н. И. Кареев.* «Падение Польши» в исторической литературе. М., 1888
- Н. И. Кареев.* Польские реформы XVIII в. СПб., 1890
- Н. И. Кареев.* Новейшая польская историография и переворот в ней // *Он же.* Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905 гг.). СПб., 1905. С. 132–208
- J. Bardach.* Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku: N. I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. – Warszawa. 1980. S. 104–154
- J. Bardach.* Udział uczonych rosyjskich w walce o repolonizację Uniwersytetu Warszawskiego w latach 1905–1906 // Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. 1979. T. 13. Z. 1
- T. Korzon.* Prof. Kariejew i jego poglądy na «Upadek Polski». // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1889. R. III. S. 687–702
- T. Korzon.* Reformy polskie XVIII wieku przez M. J. Kariejewa (Польские реформы XVIII века. К. (sic!) И. Кареева, w miesięczniku: «Вестник Европы» 1889, w księgach: V str. 5–65 i VI str. 550–620). // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1890. R. IV. S. 197–203
- J. Maternicki.* Nikolaј Iwanowicz Karejew a polska edukacja historyczna // Historiografia i kultura historyczna: studia i szkice. Warszawa, 1990. Z. XI. S. 536–579
- A. Rembowski.* Исторический очерк Польского сейма (Historyczny zarys sejmu polskiego). Przez pr. Kariejewa. Moskwa 1888, str. 162. // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1889. R. III. S. 569–577
- M. Serejski.* Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970

Исследования

- Л. М. Аржакова.* Н. И. Кареев и его интерпретация причин падения Речи Посполитой // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2010. Вып. 3. С. 36–45
- Л. М. Аржакова.* Опыт польско-российского диалога: Николай Кареев и Михал Бобжиньский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 7. СПб., 2008. С. 9–17
- Л. М. Аржакова.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. СПб., 2014
- Л. П. Лаптева.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005
- Т. Т. Кручковский.* Н. И. Кареев о причинах падения Речи Посполитой. М., 1991. – Депонировано в ИНИОН АН СССР 28.10.1991. № 45652
- В. А. Дьяков.* Польская тематика в русской историографии конца XIX – нач. XX века (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 147–161
- Т. Т. Кручковский.* Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. // Славяноведение. М., 1993. № 5. С. 76–85

Polish historiography on Nikolai I. Kareev's interpretation of the Commonwealth's partitions

In his works, the famous Russian historian Nikolai I. Kareev dedicated a lot of place to the history of Polish-Lithuanian Commonwealth and its collapse. Kareev was one of the pioneering researchers on the liberal tradition in Russian historical Polish studies to interpret a number of key problems in the history of the Polish state. In his interpretations of one of the most important problems for historical Polish studies, Kareev was close to conservative historiography. In line with the Russian historiographic tradition, he focused mainly on main, internal socio-political reasons, and not on external interference of neighbouring great powers.

In Kareev's works this problem became a subject of his research into the Polish historiography, both of the 19th and early 20th centuries as well as modern Polish science. The article discusses the fundamental problems of the history of Poland's collapse and Polish-Russian relations of that period in the historiosophical concept of Nikolai I. Kareev in this aspect of the work of a Russian scholar in Polish historical science (primarily in the works of Tadeusz Korzon, Aleksander Rembowski, Juliusz Bardach and Marian Henryk Serejski).

Tadeusz Kruczkowski – ur. 1961, dr hab. profesor Uniwersytetu w Grodnie, autor ponad 130 prac naukowych na temat interpretacji dziejów Polski w historiografii rosyjskiej XIX-XX w. i we współczesnej historiografii białoruskiej, a także na temat historii i współczesności polskiej mniejszości narodowej na Białorusi. Najważniejsze prace: *Polacy na Białorusi na tle historii i współczesności*, Słownik 2003; *Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос*, Гродно 2011; *История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века*, Гродно 2016. E-mail: tkruczkowski@yahoo.com